This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

NAZIMOV

А. Е. НАЗИМОВЪ.

OBSHCHEST. IDEALY

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИДЕАЛЫ

А. С. ПУШКИНА

РѢЧЬ,

произнесенная на торжественномъ собраніи университета и городского управленія 26 мая 1899 года.

ОДЕССА.
«ЭКОНОМИЧЕСКАЯ» ТИПОГРАФІЯ, ПОЧТОВАЯ, 48.
1900.

S 42/64

А. Е. НАЗИМОВЪ.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИДЕАЛЫ

А. С. ПУШКИНА

РѢЧЬ,

произнесенная на торжественномъ собраніи университета и городского управленія 26 мая 1899 года.

ПУБЛИЧ. БИБЛИОТ.

ОДЕССА.
«ЭКОНОМИЧЕСКАЯ» ТИПОГРАФІЯ, ПОЧТОВАЯ, 43.
1900.

Slav 4350.4.2346

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
JAN 27 1976

71*2

Печатано по распоряженію Правленія Императорскаго Новороссійскаго Университета. Ректоръ *Ѳ. П. Шестаковъ.*

Мм. Гг.

Значеніе А. С. Пушкина не ограничивается его великими заслугами передъ русской словесностью. Пушкинъ поэтъ-мыслитель; въ его поэзіи отражаются его завѣтныя думы; творенія его имѣютъ важное значеніе для исторіи самосознанія русскаго общества.

Въ исторіи русской культуры царствованіе Императора Александра I занимаетъ почетное мѣсто. Благодаря сближенію съ западомъ, русское общество обогащается запасомъ новыхъ идей; русскіе люди начинаютъ критически относиться къ явленіямъ русской жизни и требовать реформъ во имя культурныхъ идеаловъ. Обнаруживается стремленіе къ просвѣщенію, гуманности, къ огражденію правъ личности, стремленіе къ общественной свободѣ. Свѣтлые идеалы эпохи глубоко западаютъ въ впечатлительную душу юноши поэта; но Пушкинъ сохраняетъ въ себѣ эти идеалы и въ пору возмужалости и полнаго расцвѣта своего таланта; онъ вспоминаетъ о нихъ и незадолго до своей кончины, когда, перечисляя въ «Памятникѣ» свои заслуги передъ русскимъ обществомъ, онъ говоритъ, «что въ свой жестокій вѣкъ возславилъ онъ свободу.»

Я постараюсь показать, какъ развивался у Пушкина идеалъ общественной свободы; въ какой мѣрѣ онъ вліялъ на его творчество, какъ отразились въ Пушкинской поэзіи стремленія современнаго ему русскаго общества.

Среди политическихъ теорій начала XIX-го вѣка видное мѣсто занимаетъ ученіе о, такъ называемомъ, естественномъ правѣ; ученіе теперь почти забытое, но сильно вліявшее въ то время на умы. Естественное право стремится опредѣлить отношенія общежитія, отношенія людей между собой, по началамъ естественной справедливости, по началамъ, вытекающимъ изъ человѣческой природы. Когда естественное право съ своими требованіями естественной справедливости приходитъ въ столкновеніе съ опредѣленіями положительнаго права, то сторонники естественнаго права начинаютъ требовать устраненія злоупотребленій, требовать реформъ во имя своего общественнаго идеала. Для русскаго общества того времени естественное право не было новинкой. Но съ конца прошлаго столѣтія эта доктрина получала въ глазахъ современниковъ особенное значеніе. Французскій переворотъ 1789 года, имѣвшій такой резонансъ по всей Европѣ, былъ попыткой перестроить общественныя отношенія по началамъ естественной справедливости; ученіе естественнаго права переходило, слѣдовательно, изъ области теоріи въ практику; мало того: Императоръ Александръ I, воспитанникъ республиканца Лагарпа и восторженный поклонникъ либеральныхъ идей своего времени въ началѣ царствованія, не скрывалъ своей антипатіи къ существующимъ порядкамъ и обѣщалъ Россіи коренныя преобразованія въ либеральномъ духѣ. При такихъ условіяхъ естественное право, которое преподавалось въ то время не только въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, но и въ старшихъ классахъ гимназій, получало особенное воспитательное значеніе: въ сухія матеріи догматической юриспруденціи оно вносило живую политическую струйку, давало идеалъ, воспитывала будущихъ дѣятелей на началахъ справедливости и гуманности. Молодой Пушкинъ, конечно, не остался въ сторонѣ отъ этого умственнаго движенія. Въ стихахъ, посвященныхъ памяти проф. Куницына, онъ такъ изображаетъ вліяніе на молодежь талантливаго преподавателя естественнаго права въ Царскосельскомъ лицеѣ:

«Онъ создалъ насъ, онъ воспиталъ нашъ пламень»
«Поставленъ имъ краеугольный камень,»
«Имъ чистая лампада возжена.»

Наступившая реакція отнеслась къ естественному праву крайне недружелюбно; преподаваніе его отнынѣ допускалось

только въ обличительномъ духѣ; ученые сторонники его преслѣдовались. Куницынъ долженъ былъ выйти въ отставку, а книга его о естественномъ правѣ была запрещена, какъ пропитанная революціоннымъ духомъ.

Но притокъ либеральныхъ идей въ русское общество все-таки продолжался; онъ принялъ только другую форму. Ж. Ж. Руссо, самый блестящій представитель ученія о естественномъ правѣ XVIII столѣтія и горячій сторонникъ его, хорошо понималъ, что для распространенія любимыхъ его идей недостаточно дѣйствовать на разумъ людей, что гораздо вѣрнѣе дѣйствовать на ихъ чувство и воображеніе. Исходя изъ этой мысли Руссо недовольствуется составленіемъ политическихъ трактатовъ, а пропагандируетъ свою идею посредствомъ педагогическихъ и соціальныхъ романовъ, въ которыхъ съ ѣдкимъ сарказмомъ нападаетъ на современную ему цивилизацію и въ обольстительныхъ краскахъ рисуетъ человѣческую природу въ ея неповрежденномъ состояніи. Нападки на цивилизацію, призывъ къ первобытному состоянію природы переходятъ отъ Руссо къ писателямъ романтической школы. Мотивъ этотъ встрѣчается у Шатобріана, рисующаго прелести дѣвственной американской природы и первобытные нравы дикарей, съ которыми онъ ознакомился во время своихъ путешествій; также и въ поэзіи Байрона, гордые герои котораго не могутъ ужиться съ цивилизаціей и бросаютъ ей вызовъ.

Сочиненія этихъ писателей были знакомы русской читающей публикѣ и, конечно, вліяли на складъ мыслей образованнаго общества, когда появились поэмы Пушкина: «Кавказскій плѣнникъ» и «Цыгане». Впервые въ русскую поэзію перенесенъ былъ коренной вопросъ вѣка, вопросъ о противорѣчіи современной цивилизаціи природѣ человѣка, вопросъ, на который раньше у насъ встрѣчались только робкіе намеки. Впервые-же, это заманчивое первобытное состояніе такъ приближалось къ русскому читателю: оно изображалось уже не тамъ, гдѣ-то въ дали, за моремъ, а тутъ же у себя дома, у насъ въ Россіи, въ горахъ Кавказа и степяхъ Бессарабіи. Дѣйствительно, впечатлѣніе было необычайное. Впрочемъ, въ «Кавказскомъ плѣнникѣ» читатель только какъ бы подготовляется къ рѣшенію вопроса. Герой поэмы, молодой кавказскій офицеръ, вовсе не врагъ цивилизаціи; онъ считаетъ себя разочарованнымъ въ любви и дружбѣ

и летитъ въ далекій край «съ веселымъ призракомъ свободы». Но разочарованіе его не глубоко, и, послѣ своихъ кавказскихъ приключеній, онъ снова возвращается въ цивилизованное общество.

Не таковъ Алеко, герой «Цыганъ». Алеко, убѣжденный, принципіальный противникъ цивилизаціи и страстный поклонникъ первобытной свободы. Послушайте, въ какихъ сильныхъ выраженіяхъ онъ изображаетъ испорченность цивилизованныхъ людей:

«Любви стыдятся, мысли гонятъ,»
«Торгуютъ волею своей,»
«Главы предъ идолами клонятъ»
«И просятъ денегъ да цѣпей.»

Попавши въ цыганскій таборъ, Алеко искренно желаетъ «опроститься», желаетъ усвоить образъ жизни и привычки кочевниковъ; одного онъ не можетъ сдѣлать: не можетъ освободиться отъ своего эгоизма, отъ понятій цивилизованнаго человѣка о своихъ правахъ. Измѣна Земфиры, которая стараго цыгана оставляетъ равнодушнымъ, приводитъ его въ ярость; онъ восклицаетъ: «отъ правъ своихъ не откажусь!». Тутъ-то и разыгрывается драма. Читатели, наслаждаясь поэтическими красотами поэмы, могли придти къ слѣдующему философскому выводу. Первобытное состояніе, съ которымъ такъ носится цивилизованный человѣкъ, къ которому такъ стремится—ему совершенно недоступно: оно давно ушло отъ него въ историческую даль; а если-бы ему и удалось открыть слѣды этого первобытнаго состоянія у полудикихъ племенъ, все-таки онъ не могъ-бы сжиться съ нимъ; онъ не снесъ-бы его, оно не доступно ему психологически: гордый современный человѣкъ не можетъ сжиться «съ смиренной вольностью цыганъ», такъ же, какъ христіанинъ не можетъ сжиться съ обычаемъ кровавой мести кавказскихъ горцевъ.

«Цыгане» знаменуютъ собой поворотный пунктъ въ творчествѣ Пушкина. Онъ оставляетъ мечты о естественномъ правѣ и естественномъ состояніи человѣка и начинаетъ смотрѣть на общественные вопросы съ исторической точки зрѣнія; беретъ свои сюжеты изъ дѣйствительной русской жизни и изъ русской исторіи. Другими словами, Пушкинъ переживаетъ тотъ-же процессъ мысли, который характеризуетъ научную эволюцію начала

XIX вѣка. Но большинство русской публики не поспѣвало въ своемъ развитіи за поэтомъ. Публика оставалась при своемъ старомъ міровоззрѣніи, она все просила поэмъ, вродѣ «Кавказскаго плѣнника» и «Цыганъ», и уже хуже понимала послѣдующія произведенія Пушкина.

Справедливо было замѣчено, что Кавказскій Плѣнникъ, Алеко и Евгеній Онѣгинъ — разновидности одного и того-же типа; это могло бы навести на мысль, что и въ Евгеніи Онѣгинѣ поэта интересуетъ тотъ-же старый, наболѣвшій вопросъ о свободѣ; но герой поэмы ищетъ этой свободы уже не внѣ общества, не въ фантастическомъ естественномъ состояніи, а старается отстоять среди общества свою независимость. Такимъ образомъ, вопросъ о свободѣ сплетается съ вопросами русской общественной жизни первой четверти XIX-го вѣка; онъ видоизмѣняется при этомъ въ вопросъ о личной независимости, о личномъ достоинствѣ. Въ настоящее время существуетъ убѣжденіе, что достоинство человѣческой личности не зависитъ ни отъ служебнаго положенія, ни отъ принадлежности къ сословію. Но эта простая, повидимому, мысль была результатомъ долгой умственной работы, сложнаго историческаго процесса. Въ Пушкинское время процессъ этотъ далеко еще не завершился въ русскомъ обществѣ, а достоинство человѣческой личности рѣшительно заслонялось служебной и сословной честью.

Пушкинъ ненавидѣлъ бюрократическую рутину и никогда не былъ чиновникомъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова, но во время своего пребыванія на югѣ Россіи, онъ, по обычаю того времени, числился по министерству иностранныхъ дѣлъ. Геніальный русскій поэтъ былъ въ служебной іерархіи и въ обществѣ не болѣе, какъ коллежскимъ секретаремъ, и это ему, при случаѣ, давали чувствовать. Неудивительно поэтому, что вопросъ о чинопочитаніи въ Россіи рано сталъ предметомъ его размышленій. Однажды, бесѣдуя съ Погодинымъ, Пушкинъ сказалъ: «можемъ-ли мы познакомить съ нынѣшнею Россіей не растолковавши, что такое тайный совѣтникъ и коллежскій регистраторъ?» Нашъ извѣстный историкъ, очевидно, былъ пораженъ мѣткостью этого замѣчанія и внесъ его въ свой дневникъ.

Въ твореніяхъ Пушкина не мало колкихъ и остроумныхъ замѣчаній объ этомъ-же предметѣ. Въ «Романѣ въ письмахъ» переписываются между собой двое современныхъ молодыхъ людей

различнаго образа мыслей; одинъ изъ корреспондентовъ, убѣждая другого служить, пишетъ между прочимъ: «чины въ Россіи необходимость; молодому дворянину необходимо служить хоть для однѣхъ станцій, гдѣ безъ того не добьется лошадей». У Лариныхъ, за столомъ, по стародавнему русскому обычаю, разносятъ гостямъ блюда по чинамъ. Да, не у однихъ Лариныхъ. Во время путешествія въ Арзерумъ Пушкинъ располагалъ плохимъ трактирнымъ столомъ. Онъ поэтому очень обрадовался, когда одинъ извѣстный тифлисскій гастрономъ пригласилъ его къ себѣ обѣдать. Но Пушкину не пришлось полакомиться, такъ какъ за столомъ были чиновные гости, а прислуга его усердно обносила. Съ приличнымъ чиномъ на Руси хорошо было жить, хорошо было и умирать, а люди добраго стараго времени, посылая своихъ покойниковъ на тотъ свѣтъ, не забывали упомянуть о чинѣ:

«Господній рабъ и бригадиръ»
«Подъ камнемъ симъ вкушаетъ миръ.»

Впрочемъ не всѣ дворяне въ одинаковой мѣрѣ стремились на государственную службу; не для всѣхъ служба представляла одинаковыя выгоды; люди со связями легко и быстро дѣлали карьеру; для другихъ-же служба была мачихой; при первой возможности они выходили въ отставку, селились въ деревняхъ и занимались хозяйствомъ. Но во вторую половину царствованія Александра I, у насъ замѣчается небывалое явленіе: молодые люди высшаго общества, слѣдовательно, со связями и протекціей избѣгаютъ службы. Не даромъ-же самые замѣчательные писатели того времени—Пушкинъ и Грибоѣдовъ выводятъ не служащихъ молодыхъ людей въ качествѣ своихъ героевъ. Онѣгинъ и Чацкій—литературные близнецы, не смотря на различіе характеровъ, не смотря на то, что у Чацкаго преобладаетъ въ жизни идейная сторона, а у Онѣгина эпикурейская; это люди одного общества, «цвѣтъ умной молодежи» того времени. Изъ разговора Чацкаго съ Фамусовымъ мы узнаемъ, почему Чацкій не служитъ:

«Служить-бы радъ, прислуживаться тошно.»

Знаемъ и взглядъ Фамусова:

«То-то, всѣ вы гордецы»
«Спросили-бы, какъ дѣлали отцы.»

Но между отцами и дѣтьми разладъ непримиримый, а молодое поколѣніе идетъ своей дорогой. Онѣгинъ и Чацкій не только не служатъ, но и не поддерживаютъ родственныхъ связей, не подчиняются родственному авторитету. Эта вторая черта прибавлена не случайно къ характеру нашихъ героевъ, она дополняетъ первую. Молодой человѣкъ извѣстнаго круга, подчиняясь родственному авторитету непремѣнно долженъ-бы былъ служить и дѣлать карьеру; съ другой стороны, служебный успѣхъ въ то время по большей части зависѣлъ отъ родственныхъ связей. Наконецъ, эти молодые люди усвоили себѣ какую то горделивую манеру держать себя въ обществѣ, манеру указывающую на какое-то внутреннее ихъ превосходство. Но чѣмъ-же они могутъ гордиться? Не дворянскимъ-же своимъ происхожденіемъ среди общества сплошь состоящаго изъ дворянъ! Не титулами и чинами которыхъ у нихъ нѣтъ; они очевидно полагаютъ свое достоинство въ чемъ-то другомъ, чѣмъ-то другимъ гордятся; но чѣмъ-же? Всмотримся ближе въ это явленіе и передъ нами раскроется общественное значеніе этихъ типовъ.

Онѣгинъ не служитъ и внутренно, конечно, гордится этимъ; онъ гордится тѣмъ, что онъ не карьеристъ; что свободенъ отъ искательства и низкопоклонства съ которыми въ то время слишкомъ часто была связана служба, короче, онъ гордится своей общественной независимостью. Но этого мало; Онѣгинъ гордится своимъ независимымъ образомъ мыслей; онъ непремѣнно либералъ и притомъ либералъ Александровскаго времени, т. е. слегка фрондирующій. Черта эта въ то время была обязательна для человѣка извѣстнаго круга, она служила признакомъ хорошаго тона. Онѣгинъ видитъ темныя и смѣшныя стороны тогдашняго русскаго общества; онъ не хуже Чацкаго съумѣлъ-бы заострить свои мысли въ эпиграмму, но онъ слишкомъ хорошо знаетъ свѣтъ, чтобы выступать обличителемъ свѣтскихъ пороковъ. Но въ его манерѣ держать себя есть что-то независимое; его трудно смѣшать съ толпой. Прислушаемся къ тому, что говорятъ про Онѣгина его деревенскіе сосѣди; они кое-что смекаютъ, хотя, конечно, все понимаютъ по своему:

«Онъ Фарязовъ; онъ пьетъ одно»
«Стаканомъ красное вино;»
«Онъ данамъ въ ручкѣ не подходитъ;»
«Все да, да нѣтъ, не скажетъ да-съ»
«Иль нѣтъ-съ». «Таковъ былъ общій гласъ.»

Наконецъ, Онѣгинъ чувствуетъ себя выше свѣтской толпы, презираетъ ее и даже чуждается свѣта; но привычками своими онъ связанъ съ свѣтомъ, онъ не можетъ отстать отъ него; онъ вѣкъ осужденъ вращаться въ средѣ, которая ему давно опостыла. Это вноситъ извѣстный трагизмъ въ его существованіе—черта автобіографическая.

Онѣгинъ, конечно, не Пушкинъ, геній поэта проводитъ въ этомъ отношеніи рѣзкую демаркаціонную линію. Но не подлежитъ сомнѣнію, что на характерѣ Онѣгина отразились нѣкоторыя черты характера поэта; недаромъ Пушкинъ считалъ «Евгенія Онѣгина» самымъ задушевнымъ своимъ произведеніемъ. Дѣйствительно, на характерѣ героя поэмы отразилась основная черта характера Пушкина—его душевное благородство. Правда, на первый взглядъ можетъ показаться, что благородство Онѣгина просто сводится къ старому понятію о дворянской чести, какъ, напримѣръ, по вопросу о дуэлѣ. Но при болѣе внимательномъ изученіи этого характера, мы убѣждаемся, что благородство Онѣгина имѣетъ болѣе широкую основу, что оно органически связано съ чувствомъ общественной независимости. Стремленіе къ этой независимости было завѣтнымъ стемленіемъ Пушкина, отличительной чертой его характера. Пушкинъ внимательно слѣдилъ за тѣмъ, какъ это стремленіе развивалось въ русскомъ обществѣ и отмѣтилъ эту черту въ характерѣ своего героя.

Я старался показать, какъ у Пушкина видоизмѣнялся идеалъ свободы, какъ смѣна этихъ идей вліяла на его творчество. Мы видѣли, что, слѣдуя направленію своего времени, Пушкинъ сначала искалъ этотъ идеалъ во внѣ общественномъ, первобытномъ состояніи человѣка, что потомъ вопросъ этотъ, перенесенный въ среду русскаго общества, привелъ его къ вопросу объ общественной независимости. Теперь, отмѣчая третій и заключительный фазисъ этой эволюціи въ понятіяхъ и творчествѣ Пушкина, я долженъ сдѣлать нѣсколько пояснительныхъ замѣчаній.

Мы знаемъ, что развитіе либеральныхъ идей въ русскомъ обществѣ, начавшееся при столь благопріятныхъ условіяхъ въ первую половину царствованія Императора Александра I-го, встрѣчаетъ препятствіе во вторую половину этого царствованія. Событія, сопровождавшія вступленіе на престолъ Императора Николая I заставили наше правительство круто повернуть на

путь реакціи. Видя крушеніе своихъ общественныхъ идеаловъ, Пушкинъ, однако. не упалъ духомъ; одаренный удивительной жизненной энергіей и замѣчательнымъ политическимъ смысломъ, онъ сталъ искать въ окружающей его русской жизни элементовъ, способныхъ и теперь поддержать его завѣтныя стремленія къ независимости. Такимъ элементомъ было тогда только русское дворянство. Оно обладало достаткомъ, вліяніемъ и пользовалось драгоцѣнной привиллегіей личной и имущественной неприкосновенности. Только опираясь на эти дворянскія привиллегіи, можно было въ то время оградить себя отъ обиднаго и, нерѣдко, возмутительнаго произвола. Вотъ, въ этихъ-то дворянскихъ привиллегіяхъ и нашелъ свой послѣдній пріютъ гонимый идеалъ общественной независимости Пушкина. Но дворянскія привиллегіи были не конечной цѣлью, а лишь исходной точкой его общественныхъ стремленій. Въ дворянскомъ правѣ личной неприкосновенности какъ-бы въ зародышѣ таилось право на общечеловѣческое достоинство. Въ дворянскомъ сословіи Пушкинъ видѣлъ естественное представительство народныхъ нуждъ передъ правительствомъ; въ дворянствѣ видѣлъ ходатая за безгласную массу русскаго народа. Онъ по временамъ даже мечталъ о политической роли дворянства; но мечты эти были тогда несвоевременны и изобличали въ Пушкинѣ неисправимаго либерала Александровскаго времени. Какъ-бы мы не смотрѣли теперь на эту дворянскую теорію Пушкина, намъ нельзя будетъ отказать ему ни въ строгой послѣдовательности мысли, ни въ политическомъ тактѣ. Пушкинъ хорошо понималъ что общественная свобода можетъ развиться въ странѣ только при наличности соціально-независимыхъ элементовъ среди населенія, но какъ уже замѣчено, такіе элементы въ то время были только среди дворянства. Излагая воззрѣніе Пушкина на дворянство, нужно коснуться одного частнаго вопроса, имѣвшаго значеніе въ жизни поэта. Общественное значеніе дворянства подрывалось расколомъ среди его членовъ. Въ томъ тѣсномъ аристократическомъ кругу, въ которомъ вращался Пушкинъ, проводилось рѣзкое различіе между такъ называемой знатью, богатой и вліятельной, и остальнымъ дворянствомъ; для Пушкина, потомка древняго дворянскаго рода, эта исключительность знати была нестерпима. Противъ аристократической гордости знати онъ выставлялъ гордость древняго историческаго дворянства; на высокомѣріе

отвѣчалъ эпиграммами. Этого именно вопроса Пушкинъ коснулся въ знаменитыхъ строфахъ «Родословной моего героя» («Мой дѣдъ не торговалъ блинами»), гдѣ зло осмѣялъ происхожденіе нѣкоторыхъ аристократическихъ фамилій отъ случайныхъ, или какъ ихъ тогда называли, «принадочныхъ» людей XVIII-го вѣка. Стрѣла попала въ цѣль и создала Пушкину враговъ непримиримыхъ. Пушкина не разъ упрекали за его аристократическія тенденціи; говорили: зачѣмъ генію входить въ мелкіе сословные счеты? Но не могъ же Пушкинъ при всякихъ мелочныхъ столкновеніяхъ ссылаться на свою геніальность; въ средѣ, пропитанной предразсудкомъ, онъ говорилъ языкомъ предразсудка.

Пушкинъ хорошо понималъ, что дворянскій вопросъ органически связанъ съ крестьянскимъ вопросомъ. Еще въ 1822 году онъ писалъ: «нынче наша политическая свобода не разлучна съ освобожденіемъ крестьянъ». Слова эти, сказанныя въ то время, когда многіе сторонники политическихъ реформъ довольно холодно относились къ крестьянскому вопросу, указываютъ на высокій политическій смыслъ Пушкина. Но Пушкинъ былъ сторонникомъ освобожденія крестьянъ, конечно, и по другимъ причинамъ; да и могъ-ли Пушкинъ, страстно любившій народный языкъ и народную поэзію, не быть отъявленнымъ противникомъ рабства русскаго народа? Но условія того времени не допускали открытой проповѣди аболюціонистическихъ идей. Стихотвореніе «Деревня» писанное въ ту пору, когда наше правительство еще сочувствовало мысли объ освобожденіи крестьянъ, проникнуто чувствомъ глубокаго негодованія на крѣпостное право; въ «Анчарѣ» или «Древѣ Яда», писанномъ уже въ позднѣйшую эпоху, слышится чувство безпредѣльной грусти.

Вниманіе поэта-мыслителя привлекали и политическія движенія русскаго народа. Стеньку Разина Пушкинъ считалъ единственнымъ поэтическимъ лицомъ русской исторіи; въ Пугачевѣ умѣлъ открыть человѣческія черты.

Пушкинъ внимательно слѣдилъ за политическими движеніями запада, онъ сочувствовалъ народнымъ движеніямъ Германіи, Италіи, Испаніи; онъ страстно желалъ освобожденія Греціи. Все его поэтическое творчество отражаетъ на себѣ его горячую любовь къ человѣческой свободѣ.

Говорили, что Пушкинъ подъ конецъ жизни поколебался въ своихъ общественныхъ идеалахъ. Историческое изученіе хода

его идей показываетъ, какъ мы видѣли, что онъ только мѣнялъ средства, ведущія къ цѣли, сообразно условіямъ времени, всегда оставаясь вѣрнымъ своимъ завѣтнымъ стремленіямъ. Нѣсколько Пушкинъ и къ послѣднюю пору жизни былъ далекъ отъ оффиціальнаго оптимизма того времени, показываетъ намъ маленькое, неоконченное, но въ высшей степени замѣчательное произведеніе, которое Бѣлинскій справедливо считалъ литературнымъ перломъ. Я говорю о Исторіи села Горохина.

Обыкновенно думаютъ, что въ Исторіи села Горохина Пушкинъ пародировалъ «Исторію государства Россійскаго» Карамзина. Я полагаю, что намѣренія Пушкина шли дальше: онъ пародировалъ не только Карамзина, но и нѣкоторыхъ его противниковъ. Извѣстно, что въ своихъ политическихъ мнѣніяхъ Карамзинъ отличался крайнимъ консерватизмомъ; желая обосновать этотъ взглядъ исторически, онъ и въ своихъ изысканіяхъ по древней русской исторіи всюду, какъ-бы преднамѣренно, выдвигаетъ начало государственной власти. Крайніе политическіе противники Карамзина выставляли противъ его монархической теоріи теорію республиканскую, и преимущественно останавливались на началахъ народной свободы въ древней Руси. Особенной ихъ симпатіей пользовался вѣчевой строй древняго Новгорода и Пскова. Одно время эта древняя новгородская свобода кружила головы и нашимъ поэтамъ; даже Пушкинъ, начавъ писать поэму «Вадимъ» изъ древней новгородской жизни, заплатилъ дань этому направленію. Но обѣ теоріи, не смотря на полную свою противуположность, страдали однимъ общимъ недостаткомъ: онѣ смотрѣли на древнюю русскую жизнь сквозь призму современныхъ политическихъ воззрѣній и, благодаря этому, конечно, приходили къ фальшивымъ выводамъ. Осмѣивая эти взгляды, Пушкинъ смѣется надъ историческими иллюзіями своего времени.

Чтобы вполнѣ оцѣнить юморъ «Исторіи села Горохина» нужно возстановить въ памяти образъ того лица, отъ имени котораго ведется повѣствованіе, образъ простодушнаго Ивана Петровича Бѣлкина, помѣщика-самоучки. Бѣлкинъ имѣетъ страсть къ писательству, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ проникнутъ почти суевѣрнымъ уваженіемъ къ литературѣ. Поэтому задумавъ писать исторію своего родного села Горохина и, боясь уронить

званіе исторіографа, Бѣлкинъ ведетъ свое повѣствованіе въ торжественномъ, высокопарномъ тонѣ; но описываемыя событія сельской жизни мелки и обыденны, онѣ не даютъ ни малѣйшаго повода къ паренію мысли; этотъ контрастъ между сюжетомъ и тономъ повѣствованія производитъ глубоко комическое впечатлѣніе.

Хотя имя Карамзина нигдѣ не упоминается, но съ первыхъ-же строкъ исторіи ясно, что Бѣлкинъ именно его ставитъ себѣ въ образецъ, именно ему старается подражать. Сюда относится прежде всего перечень источниковъ, на основаніи которыхъ Бѣлкинъ ведетъ свое повѣствованіе. Собраніе старыхъ календарей, дѣдовская лѣтопись, съ ея краткимъ, по выразительнымъ слогомъ, напримѣръ: «9-го мая дождь и снѣгъ; 10-го мая Тришка за пьянство битъ» и т. д. безъ всякихъ разсужденій; лѣтопись Горохинскаго дьячка, изустныя преданія, ревизскія сказки. Сюда же относится подробное географическое описаніе села Горохина; свѣдѣнія объ этнографическомъ составѣ населенія, нравахъ и обычаяхъ горохинцевъ, дѣленіе исторіи села Горохина на времена баснословныя и историческія, сообщеніе нелѣпой деревенской сказки съ благоразумной оговоркой, «что эта сказка не достойна вниманія историка и что намъ было-бы непростительно ей вѣрить послѣ Нибура.»

Но попутно достается и крайнимъ противникамъ Карамзина. Это село Горохино, которое долгое время платило помѣщику лишь малую дань и пользовалось автономіей, благодаря своему географическому положенію; эти грозныя предписанія объ увеличеніи дани, которыя читаются на шумномъ горохинскомъ вѣчѣ; эти отговорки и смиренныя жалобы горохинцевъ; наконецъ, крушеніе горохинскаго вѣчеваго строя; все это содержитъ въ себѣ намеки на знакомыя историческія черты и современныя увлеченія.

Пушкинъ достигъ апогея своего интеллектуальнаго развитія, когда писалъ Исторію села Горохина. Въ полной силѣ своего таланта, свободный отъ исторической фальши, онъ стоялъ въ глубокомъ раздумьѣ передъ жизнію русскаго народа.

Какое направленіе приняли-бы его мысли? Мы можемъ объ этомъ только догадываться. Въ замѣчаніяхъ на исторію Полеваго, Пушкинъ говоритъ: «Россія никогда не имѣла ничего общаго съ остальной Европой; исторія ея требуетъ другой

мысли, другой формулы, чѣмъ мысли и формулы, выведенныя Гизотомъ изъ исторіи христіанскаго Запада.» Въ замѣчаніяхъ на извѣстное философическое письмо Чаадаева, Пушкинъ съ удивительной проницательностью указываетъ на нѣкоторыя изъ такихъ особенностей нашей исторіи. Къ какимъ-же выводамъ привелъ-бы Пушкина этотъ самобытный взглядъ на русскую исторію? Какихъ откровеній можно было ждать отъ его дивной наблюдательности? А эта шуточная попытка показать, какъ отражается русская исторія на исторіи русскаго села, ячейкѣ нашей народной жизни, развѣ не представляетъ проблеска геніальной мысли? Но Пушкинъ унесъ съ собой свою тайну.

Пушкинъ, какъ пѣвецъ свободы, выражалъ въ свое время стремленія лишь весьма небольшого кружка передовыхъ русскихъ людей, кружка, оторваннаго отъ народа. Я, однако, не могу разстаться съ своимъ предметомъ, не указавши на одну глубоконаціональную черту Пушкинской поэзіи. Первый намекъ на это сдѣланъ былъ еще въ 30-хъ годахъ нѣмецкимъ писателемъ Фарнгагеномъ, въ его критической статьѣ о Пушкинѣ. Фарнгагенъ проводитъ такую мысль: по общему правилу каждый поэтъ способенъ выражать въ своемъ творчествѣ только особенности своей мѣстной народной жизни; исключенія рѣдки: Байронъ расширилъ предѣлы своего творчества путешествіями, Гете силой духа. Но Пушкину «отдаленное по пространству и различное по духу естественно представляется въ его національномъ кругѣ. Ему все одинаково извѣстно—югъ и сѣверъ, Европа и Азія, дикость и утонченность, древность и современность... на всѣ эти противоположности онъ имѣетъ равное право; всѣ онѣ его собственныя русскія.» Такъ говоритъ нѣмецкій критикъ.

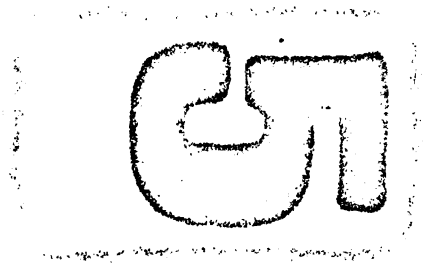
Но Пушкинская поэзія отражаетъ на себѣ не только наши государственныя особенности, но и особенности нашего народнаго характера. Эта широта поэтической концепціи, эта способность проникаться духомъ чуждой цивилизаціи и сживаться съ разноплеменными типами—все это указываетъ на чисто русскій складъ ума нашего поэта: тутъ отражаются коренныя особенности русскаго характера: отсутствіе племенной гордости, дружелюбіе къ иноземцамъ, удивительная способность къ ассимиляціи чуждыхъ элементовъ. Особенности эти результатъ продолжительнаго историческаго процесса приспособленія; онѣ сыграли важную роль въ нашемъ государственномъ строеніи; онѣ составляютъ

нашу политическую силу; отражаясь въ поэзіи Пушкина, онѣ придаютъ ей глубоко національный характеръ.

А когда племена, о которыхъ Пушкинъ говоритъ въ своемъ «Памятникѣ», откликнутся на его пророческій призывъ, когда передъ ними раскроются сокровища Пушкинской поэзіи, они найдутъ въ ней не узкую національную исключительность, а братскій призывъ къ вѣчнымъ началамъ правды, добра и свободы. Это случится, когда свѣтъ просвѣщенія прольется по всему лицу земли русской.

Скажу-же, въ заключеніе, словами нашего безсмертнаго поэта, любившаго уподоблять дневному свѣту свѣтъ разума и просвѣщенія:

«Ты, солнце святое, гори!»



2

1

мысли, другой формулы, чѣмъ мысли и формулы, выведенныя Гизотомъ изъ исторіи христіанскаго Запада.» Въ замѣчаніяхъ на извѣстное философическое письмо Чаадаева, Пушкинъ съ удивительной проницательностью указываетъ на нѣкоторыя изъ такихъ особенностей нашей исторіи. Къ какимъ-же выводамъ привелъ-бы Пушкина этотъ самобытный взглядъ на русскую исторію? Какихъ откровеній можно было ждать отъ его дивной наблюдательности? А эта шуточная попытка показать, какъ отражается русская исторія на исторіи русскаго села, ячейкѣ нашей народной жизни, развѣ не представляетъ проблеска геніальной мысли? Но Пушкинъ унесъ съ собой свою тайну.

Пушкинъ, какъ пѣвецъ свободы, выражалъ въ свое время стремленія лишь весьма небольшого кружка передовыхъ русскихъ людей, кружка, оторваннаго отъ народа. Я, однако, не могу разстаться съ своимъ предметомъ, не указавши на одну глубоконаціональную черту Пушкинской поэзіи. Первый намекъ на это сдѣланъ былъ еще въ 30-хъ годахъ нѣмецкимъ писателемъ Фарнгагеномъ, въ его критической статьѣ о Пушкинѣ. Фарнгагенъ проводитъ такую мысль: по общему правилу каждый поэтъ способенъ выражать въ своемъ творчествѣ только особенности своей мѣстной народной жизни; исключенія рѣдки: Байронъ расширилъ предѣлы своего творчества путешествіями, Гете силой духа. Но Пушкину «отдаленное по пространству и различное по духу естественно представляется въ его національномъ кругѣ. Ему все одинаково извѣстно—югъ и сѣверъ, Европа и Азія, дикость и утонченность, древность и современность... на всѣ эти противоположности онъ имѣетъ равное право; всѣ онѣ его собственныя русскія.» Такъ говоритъ нѣмецкій критикъ.

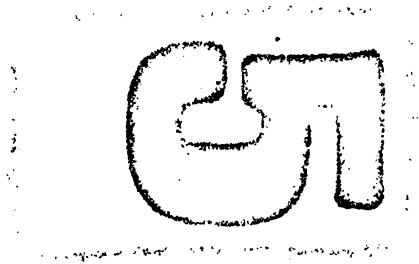
Но Пушкинская поэзія отражаетъ на себѣ не только наши государственныя особенности, но и особенности нашего народнаго характера. Эта широта поэтической концепціи, эта способность проникаться духомъ чуждой цивилизаціи и сживаться съ разноплеменными типами—все это указываетъ на чисто русскій складъ ума нашего поэта: тутъ отражаются коренныя особенности русскаго характера: отсутствіе племенной гордости, дружелюбіе къ иноземцамъ, удивительная способность къ ассимиляціи чуждыхъ элементовъ. Особенности эти результатъ продолжительнаго историческаго процесса приспособленія; онѣ сыграли важную роль въ нашемъ государственномъ строеніи; онѣ составляютъ

нашу политическую силу; отражаясь въ поэзіи Пушкина, онѣ придаютъ ей глубоко національный характеръ.

А когда племена, о которыхъ Пушкинъ говоритъ въ своемъ «Памятникѣ», откликнутся на его пророческій призывъ, когда передъ ними раскроются сокровища Пушкинской поэзіи, они найдутъ въ ней не узкую національную исключительность, а братскій призывъ къ вѣчнымъ началамъ правды, добра и свободы. Это случится, когда свѣтъ просвѣщенія прольется по всему лицу земли русской.

Скажу-же, въ заключеніе, словами нашего безсмертнаго поэта, любившаго уподоблять дневному свѣту свѣтъ разума и просвѣщенія:

«Ты, солнце святое, гори!»



2

1